

— Послушай меня!

Гу Юй сзади крепко обнял его, и Шэнь Цзянань всем телом мгновенно врезался в его крепкую грудь.

Всё произошло так внезапно, что, когда юноша опомнился, он и стоявший за его спиной человек уже тесно прижимались друг к другу, не оставляя между ними ни единого зазора.

Он внезапно замер, и его сердце забилося пущенным в барабан дробь:

— Цзя-гэ!

— Мм, не уходи.

Тот тихо отозвался и обнял его еще крепче. Тепло, исходившее от его рук сквозь тонкую ткань одежды, казалось раскаленным углем, отчего Шэнь Цзянань весь вспыхнул и покраснел.

Он опустил взгляд на крепкие и сильные руки, обвившие его грудь, и слегка, словно касание крыльев стрекозы по воде, дотронулся до них пальцами.

Гу Юй тут же почувствовал, как по душе пробежала волна щекотки, заставившая его судорожно вздрогнуть, после чего он медленно разжал объятия.

Шэнь Цзянань сжал кулаки, повернулся и, опустив голову, пробормотал:

— Я... я могу не уходить, но больше ты не должен говорить таких слов, иначе...

— Я на всё согласен!

Гу Юй поспешно перебил его и понизил голос:

— Лишь бы ты не уходил.

Шэнь Цзянань кивнул и только собрался ответить, как почувствовал резкий запах гари. Вспомнив, что на печи все еще варится кукурузная каша, он испуганно подпрыгнул:

— Наш ужин!

Этот его возглас мгновенно разрушил всю романтическую атмосферу между ними. Гу Юй сломя голову бросился на кухню, обнаружил, что из котла уже валит дым, и торопливо снял

его в сторону.

Шэнь Цзянань, вбежавший следом, схватил лопаточку, быстро переложил подгоревшую кашу в другую посуду, а затем налил воды и принялся мыть котел.

Это был опыт, вынесенный им из современной жизни: каша это или что-то еще, если она просто пристала ко дну, можно помешать, но если она подгорела, мешать ни в коем случае нельзя, иначе запах гари испортит вкус всей еды и сделает ее еще более несъедобной.

Устроив изрядный кавардак, они наконец привели всё в порядок. Шэнь Цзянань посмотрел на стоявшую на столе кашу из батата и кукурузы, отливавшую чернотой сквозь желтизну, и невольно рассмеялся:

— Сам виноват, что разозлил меня, вот теперь каша и впрямь пригорела.

— Моя вина, — смущенно почесал в затылке Гу Юй. — Больше не буду тебя злить.

— То-то же.

Шэнь Цзянань изогнул брови, подошел и нарезал оставшиеся овощи:

— Давай скорее доготовим и поедим! Мне ведь еще нужно ткань раздавать!

— Хорошо!

Гу Юй подошел к печи и присел на корточки, подбрасывая хворост и раздувая огонь. Действуя в слаженном тандеме, Шэнь Цзянань быстро приготовил еду. Поужинав, Гу Юй добровольно взялся вымыть посуду и велел ему заниматься своими делами:

— Я быстро отнесу еду в скотный сарай и сразу вернусь тебе помочь.

— Хорошо.

Юноша с улыбкой отозвался и вышел из кухни. Гу Юй проводил взглядом его удаляющуюся спину, в его глазах мелькнул темный огонек, а затем он продолжил прерванную работу. Однако вид у него был куда более радостный и воодушевленный, совсем не похожий на прежнюю угрюмость и пессимизм.

Войдя в комнату, Шэнь Цзянань тут же достал простыню, расстелил ее на канэ, застелил постель ватным одеялом и только после этого принялся за разбор тканей. Если бы эти вещи долго пролежали в мешке на фабрике, покрывшись пылью, и их положили прямо на кровать,

постель бы испачкалась.

Он ловко развязал мешок, вытащил охапку ткани — о боже! — среди отрезов обнаружился кусок желтого детика шириной в локоть и длиной около сорока сантиметров, правда, с одного края нитки были вытянуты, а прямо посередине зияли две дырочки размером с большой палец.

Хотя лоскут был довольно большим, для пошива одежды требовалось аккуратно заделать поврежденное место. Впрочем, для Шэнь Цзянаня это былищие пустяки.

С детства не знавший родительской ласки и тепла, он получил немало помощи от соседки — бабушки Нью. Она была одинокой вдовой, а в молодости не только работала старой портнихой, но и славилась великолепным мастерством вышивания.

Жалея сироту и опасаясь, что у мальчика не будет будущего, она передала ему все свои навыки.

Правда, Шэнь Цзянань успел проучиться у нее всего года три-четыре, когда она скончалась от болезни. К счастью, у юноши оказалась прекрасная сообразительность и высокий талант: хоть он и не постиг всех до единого секретов мастера, но уже успешно окончил обучение.

Тем не менее в реальной жизни он вовсе не планировал развиваться в этом направлении: во-первых, пробиться в эту сферу подростку было не так-то просто, а во-вторых, нужно было продолжать учебу, поэтому от этой затеи пришлось временно отказаться.

Радостно отложив желтый детик в сторону, Шэнь Цзянань продолжил сортировать ткань. И надо сказать, эти несколько потраченных юаней того стоили.

В мешке, выданном Ван Хоном, оказалось немало сокровищ: всего он насчитал больше двадцати готовых отрезков различных тканей, среди которых нашлось даже несколько крупных кусков джинсовой ткани с небольшими дефектами.

Он пришел в дикий восторг, мысленно пообещав себе сшить из этих материалов джинсовые куртки — себе и Гу Юю.

Правда, перед этим придется докупить несколько катушек джинсовых ниток (специальных ниток для кожи). Ведь джинсовая ткань грубая и плотная, и обычные швейные нитки ее просто не возьмут.

Пока юноша строил планы, вернулся Гу Юй. Войдя в комнату и увидев залежи ткани на канэ, он даже оstonбел:

— Сколько всего? И хорошего материала немало?

— Разбираешься в этом? — Шэнь Цзянань поднял на него глаза, полные любопытства.

— Малость, — Гу Юй взял в руки кусок вельвета и, словно с ностальгией, произнес: — Моя семья раньше тоже вела дела с тканями.

— Вот как!

Шэнь Цзянань качнул головой и легко толкнул его плечом. Гу Юй понял, что тот пытается его утешить, и в его глазах распустилась улыбка; он протянул руку и потрепал юношу по голове:

— Я в порядке. Ладно, давай скорее дорабатываем ткани.

— Угу!

Шэнь Цзянань кивнул и с сияющей улыбкой попросил:

— Помоги мне сложить ткани стопками по материалу и размеру, так потом намного удобнее будет шить.

— Договорились!

Заметив, что тканью завалено всё вокруг, а на полу валяется еще полмешка, Гу Юй предложил:

— Завтра на смене я попрошу Чэн Ху сплести тебе небольшие корзинки с крышками для материалов, чтобы их мыши не погрызли.

Услышав это, Шэнь Цзянань вспомнил хромого и немногословного мужчину и удивился:

— Он еще и это умеет?

— Ага! И плетет очень хорошо.

— Вот оно что!

Шэнь Цзянань потер подбородок, мысленно перебирая события книги: хотя о финале Чэн Ху там ничего не говорилось, к нынешнему плачевному состоянию этого человека приложила руку семья Чжао.

Хм... Враг твоего врага — твой друг. К тому же раз Гу Юй сам заговорил о нем, значит, человек

он по меньшей мере неплохой. Поразмыслив, Шэнь Цзянань кивнул.

— Интересно, сможет ли он плести вещи других форм? Если да, то я бы помог ему подзаработать на жизнь своей семьи.

В глазах Гу Юя мелькнул огонек, и он отозвался:

— Завтра спросим — и узнаем.

— Угу.

Пока они разговаривали, ткани были рассортированы. Воспользовавшись тем, что вечер еще только начинался, воодушевленный Шэнь Цзянань достал купленные сегодня иголки, нитки и резинку, выбрал яркие цветастые лоскуты и решил смастерить несколько резинок для волос в современном стиле.

Гу Юй наблюдал, как ловко его пальцы вдевают нитку в иголку и как из-под них выходят резинки, украшенные аккуратными бантиками из ткани в тон — до того красивыми, что дух захватывал. Он даже опешил:

— От... откуда ты умеешь все это делать?

— Да что тут сложного?

Шэнь Цзянань поднял глаза и, заметив в его взгляде недоумение, слегка испугался, мысленно выругав себя за хвастовство. Он тут же нашелся с объяснением:

— Шить не так уж трудно. В детстве папа с мамой были заняты на работе и не могли за мной приглядывать, поэтому меня отправляли к бабушке. Я жил у нее и как-то сам собой перенял это ремесло.

— Вот оно как.

Гу Юй с улыбкой кивнул и не стал допытываться дальше. Он понимал, что тот говорит не всю правду, но раз человек не хочет откровенничать, зачем давить? Решив, что сам он, видимо, недостаточно хорош, раз ему до сих пор не доверяют до конца, Гу Юй мягко перевел тему:

— Когда закончишь с этими резинками для волос, ты собираешься их продать или...

— Нет, подарю.

Шэнь Цзянань повернулся к нему с таинственным видом:

— Завтра сам увидишь. Кто знает, может, эти резинки принесут нам неожиданный сюрприз.

— Ладно.

Гу Юй больше не стал расспрашивать, поднялся с места и помог убрать ненужные обрезки в угол канэ и на стол. Дождавшись, пока Шэнь Цзянань закончит с резинками, они вместе пошли умываться.

Ранним утром следующего дня Шэнь Цзянань рассовал резинки по карманам и вместе с Гу Юем отправился на работу.

По дороге они случайно встретили Лу Сяюэ и других девушек-почвенниц. Воспользовавшись тем, что Цзян Хунмэй и Хуан Цимэй поблизости не было, Шэнь Цзянань достал резинки и раздал каждой по штуке.

Девушки застыли в изумлении, разглядывая изящные и необычные резинки для волос:

— Шэнь-чжицин, они ведь наверняка дорогие!

— Да не особо, — небрежно бросил Шэнь Цзянань. — В Шанхае такие штуки с бантиками стоят: маленькие по шесть мао, большие — от восьми мао до юаня, всё зависит от ткани. А простые резинки — по три мао за штуку.

— Так дорого!? Нет, мы не можем это взять.

Испуганная Лу Сяюэ тут же попыталась вернуть резинку обратно, хотя та ей безумно понравилась. Ли Цзяоцзяо и Ван Вэньвэнь тоже замахали руками, норовя отдать подарки, в то время как Чэнь Ли и Цян Сяоцзюань нерешительно мялись, разрываясь между желанием и смущением.

Но разве мог Шэнь Цзянань забрать назад то, что уже подарил? К тому же он преследовал вполне определенные цели, поэтому сделал вид, что напустил на себя недовольный вид, и нахмурился:

— Берите! Разве мы не договорились раньше, что теперь мы друзья? Если так, то что такого в том, чтобы подарить вам мелкие вещицы!?

Если вы не возьмете, значит, ни меня, ни Цзя-гэ за друзей не считаете, презираете нас. Ну раз так, давайте больше и не общаться вовсе.

— Верно.

Гу Юй к этому моменту уже раскусил его замысел и поспешно поддержал:

— Лу-чжицин, берите уже. Цзянань мне все уши прожужжал: говорит, мы так долго в коммуне «Хунци», наконец-то нашли друзей, он так этому рад.

Он указал на резинки в их руках и легко улыбнулся:

— Все эти резинки Цзянань готовил своими руками.

Он заметил, что обычные канцелярские резинки минут путают волосы и рвутся, вот и захотел сделать всем подарок получше. Если вы откажетесь, разве это не значит, что вы растоптали все его старания?

Услышав это, девушки до глубины души растрогались. Они подумали о том, какой Шэнь Цзянань добрый и внимательный — надо же было заметить такую мелочь!

— Шэнь-чжицин, спасибо тебе.

Лу Сяюэ крепко сжала резинку в кулаке и посмотрела на Шэнь Цзянаня взглядом, полным благодарности: — Раз так, я с радостью приму подарок.

Остальные тоже наперебой засыпали его словами признательности. Юноша лишь изогнул губы и отмахнулся:

— Ой, бросьте, мы же друзья!

С этими словами он схватил Гу Юя за руку и убежал. Девушки решили, что он просто смутился, и согласно заулыбались. Спустя мгновение каждая бережно спрятала резинку во внутренний карман одежды, мысленно решив, что завтра же поможет голову и заплетет волосы с этой красотой.

Добравшись до поля, они увидели стоящих под деревом Чжао Гана и Чжао Хунцзюня. Шэнь Цзянань велел Гу Юю идти на делянку, а сам подошел к мужчинам и вручил им заготовленные резинки.

— Это еще что?

Чжао Ган покрутил в руке вещицу, глядя на улыбающегося парнишку, и усмехнулся: — Нарядно донельзя, и на кой ляд она мне?

Чжао Хунцзюнь потянул резинку, обнаружив, что она отлично тянется, и неуверенно спросил:

— Для волос, что ли?

— Точно.

Шэнь Цзянань с сияющей улыбкой кивнул:

— Пусть девчонки поиграют. Они такие милые, с такими резинками косички будут просто загляденье.

Не дав им времени на отговорки, он тут же резво убежал, оставив обоих стоять с ошарашенными лицами. Похлопав глазами, они еще с полминуты озадаченно смотрели ему вслед, после чего с улыбкой спрятали вещи в карманы — отношение к Шэнь Цзянаню у них стало еще лучше.

Наконец, у него осталась одна темно-красная атласная «толстая» резинка и одна желто-зеленая с бантиком. Подгадав момент, когда поблизости не было ни Чжао Цзяньго, ни Чжао Цзяньчня, Шэнь Цзянань направился прямо к Цинь Фэнъин:

— Заведующая Цинь, это вам и сестрице Сюфэнь.

Когда я только приехал в коммуну «Хунци», я ничего не знал и вечно ввязывался в неприятности. Если бы не вы с председателем, даже не знаю, во что бы я превратился.

Он смущенно почесал в затылок:

— Вот я и подумал подарить вам кое-что в знак благодарности.

Цинь Фэнъин была одновременно поражена и обрадована: она никак не ожидала, что парень сделает ей подарок, да еще такой роскошный! Другие могли чего-то не понимать, но она-то дурой не была.

Такие резинки не то что в поселке — в самом уездном городе не сыщешь. Ясное дело, их продают в городском универмаге. Но раз у парня не было возможности туда съездить, оставался лишь один вариант: родственники прислали из Шанхая. Сердце Цинь Фэнъин забилось быстрее — этот малец Шэнь Цзянань и впрямь себе на уме, знает, кому угодить.

Заметив, как у той загорелись глаза, а взгляд стал хищным, Шэнь Цзянань понял, что ценность подарка оценена по достоинству, и продолжил сыпать комплиментами:

— Заведующая Цинь, вы прямо как жительница столицы — такая стильная, а волосы густые и черные. Если завяжете их этой темно-красной атласной резинкой, будет невероятно красиво!

— Правда?

Слова юноши заставили Цинь Фэнъин расплыться в широчайшей улыбке. Какая женщина не любит лести? Она сжала резинку в кулаке, едва не ухмыляясь до ушей:

— Шэнь-чжицин, спасибо тебе!

— Тьфу! — шутливо поморщился Шэнь Цзянань.

— Вы чего это мне спасибо говорите?

Сделав вид, что обиделся, он резко развернулся и зашагал прочь, продолжая бурчать на ходу:

— Будто я чужой какой... Всего-то резинка за пару мао!

Услышав это, Цинь Фэнъин растаяла окончательно. Решив, что этот ребенок — просто золото, а те в бригаде, кто судачил о его капризном нраве, наверняка просто завидовали его хорошему происхождению и талантам, она утвердилась в мысли: точно, завидуют и клеветают!

Стоявшая рядом Чжао Сюфэнь видела, как мать витает в облаках, и не выдержала, помахав рукой у нее перед носом:

— Мам!

Оклик дочери вернул Цинь Фэнъин в реальность, и та сердито зыркнула на нее:

— Чего тебе?

Чжао Сюфэнь ничуть не смутилась и, хихикая, потянулась к резинке в ее руке:

— Та, что с бантиком, моя.

Видя, как дочка сгорает от зависти, Цинь Фэнъин с наигранным недовольством швырнула ей резинку:

— Бери, бери, будто кто-то собирался зажимать!

— Хи-хи! Спасибо, мам!

Чжао Сюфэнь поймала резинку, примерила к своей косе и тут же аккуратно завязала волосы. Цинь Фэнъин глянула на нее и ахнула.

Ее девчонка и без того была хороша собой, а хоть кожей и не сравнялась с городскими барышнями, но выглядела свежо. Желто-зеленая атласная резинка с большим бантом в тон сидела на волосах идеально.

Она мгновенно преобразила девушку, добавив ей задора и сделав весь образ ярким и живым, отчего женщина не удержалась от вздоха:

— Сюфэнь, тебе безумно идет.

— Правда?

Чжао Сюфэнь радостно огладила прическу, но, подумав немного, тут же развязала ленту:

— Нет, поберегу для поездки в город, а то на работе испачкаю или порву.

— Правильно, правильно, спрячь понадежнее, вещица-то дорогая.

Поддакнув, Цинь Фэнъин спрятала свою резинку в сумку и с легким сердцем вернулась к работе вместе с дочерью.

Тем временем Шэнь Цзянань, раздав все подарки, вернулся на поле к Гу Юю и увидел стоящую на бровке Цзян Хунмэй: та полола сорняки и одновременно сверлила глазами работающего Гу Юя.

Ее взгляд, в котором смешались любовь и ненависть, заставил даже Шэнь Цзянаня мысленно восхититься: попади эта девица в современность и начни сниматься в кино, непременно отхватила бы какую-нибудь премию.

К сожалению, Гу Юй от начала и до конца не удостоил ее даже взгляда, попросту превратив в пустое место. Шэнь Цзянань усмехнулся, подошел к Гу Юю и в шутку бросил:

— Взгляд Цзян Хунмэй сейчас прожжет в тебе дыру.

— Ничего страшного, пока она не лезет к нам, пусть себе смотрит.

Гу Юй протянул ему садовый инструмент:

— Я уже сказал Чэн Ху, зайдём к нему после смены.

— Хорошо.

Шэнь Цзянань больше ничего не сказал, взял мотыгу и принялся за работу.

<http://bllate.org/book/22418/2353682>